

— Молния, — произносит Абрахам.

Рут кивает. В ее руках «Молния» — вороненый кольт тридцать восьмого калибра. В солнечном свете ствол отлиывает синевой. Полтора фунта с патронами, лучше не придумаешь для женской руки.

— Молния, — повторяет Абрахам. — Отличное название.

Дверца для заряжания со щелчком встает на место, скрывая патроны от досужих взглядов.

— Я не люблю похабных шуток, — предупреждает Рут.

Рукоять шансера изготовлена в форме изящной птичьей головки. Щечки из темного кедра с рубчатой насечкой. В верхней части рукояти изображен мустанг, заключенный в овал. Мустанг встал на дыбы, перед мордой развевается прядь гривы, делая животное похожим на единорога.

У мустанга торчит возбужденный член. Дураки, встречавшиеся Рут чаще, чем хотелось бы, связывают название с этим членом. Молния, хохочут они. Эй, красотка, отличный выбор! В краях, где мужчины и женщины каждый день имеют дело со скотом, жеребец, готовый покрыть кобылу — обычное дело. Ничего такого, что смутило бы даже ребенка. Но скотство есть скотство, люди готовы делать его из чего угодно.

Абрахам разводит руками. И в мыслях не держал, показывает он. За кого вы меня принимаете?

— Ты меня впервые видишь. Тем не менее, — Рут опускает шансер в кобуру, — когда я вошла, ты сразу стал звать меня мисс Шиммер. Откуда ты узнал, кто я?

— Когда мы нанимаемся на работу в фирму мистера Зинника, второе наше обязательство — держать язык за зубами. Извините, мисс Шиммер, ничего личного. Но ради вашего расположения я рискну объяснить. Вокруг не слишком много женщин, избравших вашу профессию. Кроме вас, я слышал только о Веселой Мэри. Ее убили в прошлом году на Мормонской тропе.

— Да? Жаль.

— Мне тоже. Она не скупилась на чаевые.

— Поэтому ее убили, а я еще жива. Как тебе мое чувство юмора?

— Юмор? Я бы сказал, знание жизни. Как вам мой жилет, мисс Шиммер?

Старик оглаживает жилет ладонями. Застегивает пуговицы.

— Этот фасон был в моде еще до того, как Адама с Евой изгнали из рая. Почему ты спрашиваешь?

— Ваш пыльник вышел из той же допотопной мастерской. Он на два размера больше, чем следовало бы. Широкий в плечах, висит ниже колен. На разрезе сзади не хватает трети пуговиц. Заштопан в десяти местах...

— Ты забыл упомянуть отвратительную полосатую подкладку. И этот цвет... Слежавшийся песок приятней для глаз. Мой пыльник давно заслуживает места на свалке.

— Почему же вы его не выбросите?

— Не твое дело.

— Отличный ответ, мисс Шиммер. В сущности, на ваши вопросы я ответил точно так же, только другими словами. И говоря о молнии, я не имел в виду конские стати клейма. Я ценю оружие за другие достоинства.

— Это пыльник моего дяди. Это память.

— Благодарю за откровенность. Я польщен вашим доверием.

— Всего доброго, Абрахам, или кто ты там.

— Удачного дня, мисс Шиммер.

Рут выходит из лавки. У нее скверное настроение. Разговор с торговцем тут ни при чем. Напротив, беседа с Абрахамом пришлась очень кстати. До нее настроение Рут Шиммер было отвратительным, а сейчас просто скверное.

Прогресс, думает Рут.

Ветер несет пыль вдоль улицы. Пыль рыжая, улица пустая.

Джошуа Редман по прозвищу Малыш

Призрачный шарик жужжит, вертится на столе. Луч солнца дробится, споткнувшись об него, рассыпает по комнате блики. На миг шарик вспыхивает. Джош моргает, поймав слепящий сполох; щурится, трет левый глаз. Шарик замедляет вращение, превращается в серебряный моргановский^[1] доллар. Монета крутится на ребре, начинает вихляться как пьяная, заваливается набок. Глухой дребезг, постукивание. Доллар выписывает еще десяток-другой затухающих «восьмерок».

Успокаивается, лежит смирно.

— Решка! — возвещает Сэм Грэйв.

Он одаривает Джоша улыбкой — такой, что впору снова тереть глаз. Улыбка у Сэма отличная, честная. Без подленькой хитрецы, гадкой угодливости. Зубы белые-белые. Чистый сахар по контрасту с лоснящейся физиономией цвета сапожной ваксы. Шутят, что мамаша по утрам умывала его нефтью.

Да, Сэм — черный. Сэм мечет нож лучше всех в Элмер-Крик.

Что-то не так, сэр?

— Я выиграл! Твоя дальняя часть города.

— Иди к черту, Сэм.

Джош бросает косой взгляд в сторону окна. Там, полускрыт колышущейся занавеской, стоит его *тахтон*. С годами тахтон стал чертовски похож на Джоша: лицом, статью, повадками. Это увидел бы всякий и, возможно, удивился бы, да вот незадача: никто не видит тахтона. Никто, кроме Джоша. Даже Сэм, а уж Сэм подмечает все на свете! Перышко, вырванное из воробьиного хвоста, прилигло к морде кошки — Сэм приметит его с двадцати шагов. А тахтона для Сэма нет, хоть пялься в упор! Тахтон есть только для Джоша, и спасибо Господу за это, леди и джентльмены. Почему? Ну, хотя бы потому, что иначе Джош затруднился бы объяснить кое-какие вещи.

Воображаемый друг. Верный спутник.

Ангел-хранитель.

Иногда Джош сомневается насчет ангела. Но если судьба в трудную минуту сунет вам в руку заряженный револьвер, станете ли вы капризничать? Выяснить, кто его изготовил: полковник Сэмюель Кольт или кузнец Элифалет Ремингтон? Вот-вот, господа хорошие: сперва мы будем стрелять, а потом разбираться. Нет, потом мы тоже будем стрелять.

«Ты куда смотрел? — беззвучно, одними губами спрашивает Джош. Произнеси он это вслух, прозвучало бы как упрек. — Решка? Как ты мог допустить?!»

Тахтон пожимает плечами. Орел? Решка? Джош, ты действительно считаешь, что я буду заниматься такими пустяками? Ты меня совсем не уважаешь, приятель.

Поди заколоти револьвером гвоздь. Прибей рукоятью муравья. Пальни из пушки по ласточкам.

Вид у тахтона обиженный, но это притворство.

Знак: отстань и не досаждай.

— Иди к черту, Сэм, — повторяет Джош.

— От Ривер-роуд до Шанхая. О, масса Джош, вы просто везунчик!

И снова рот до ушей.

Джош не выдерживает, улыбается в ответ. Он проиграл. На его долю выпала дальняя часть города. Там салун «У Счастливого Джо», где вечно случается какое-нибудь дерьмо. Но Сэм радуется так искренне, что ответить ему мрачным взглядом значит гореть в аду за грехи свои. Сказать по правде, Джош завидует этому парню.

Кто самый счастливый человек на белом свете? Вот он, перед вами.

Не верите, сэр? Думаете, Сэм Грэйв дурачок? Блаженный? Желаете над ним поглумиться? Это вы зря. Тут вам бизонья Осмака, а не цыплячий Кентукки. Кулак у Сэма — что твоя кувалда. Звезды давно видели? Среди бела дня, а?! И одна из них — звезда помощника шерифа на груди бравого мистера Грэйва. Кому охота, чтобы у него в ухе гремел церковный колокол? Вам неохота? У вас есть здравый смысл, сэр.

Скажем по секрету: кое-кто, случилось, нарывался.

— Ну что, масса Джош, пора на службу?

— А посуду мыть кто будет? Генерал Хэнкок?

— А воду таскать?

— Сегодня твоя очередь.

— ОК, я таскаю, ты моешь.

Вдвоем дело спорится. Один воду от колонки носит, другой тарелки моет. Один бекон жарит, яйцом заливает, другой в доме прибирает. Один, другой... Грешно так говорить, но старый Фред Вестингауз, земля ему пухом, очень вовремя Богу душу отдал. Наследников у Фреда не нашлось, завещания он не оставил, дом перешел в городскую собственность и в итоге достался Джошу с Сэмом.

Служишь городу — получи от города хлеб и кров. Все по-честному. Шериф Дрекстон, конечно, тот еще трудяга-законник. Чтобы он задницу от кресла оторвал, Содом Гоморрой накрыться должен, не меньше. Однако Джош с Сэмом его сообща допинали: отправился к мэру — аж через площадь! Договорился насчет крыши над головой для своих подчиненных.

Домишко неказистый, но крепкий. Пара комнат, кухня, чердак. Узенькая веранда восьми шагов в длину. Крышу перекрыли, не течет. Все лучше, чем в клоповнике «Меблированных комнат миссис Дженкинс». И платить за жилье не нужно: дом муниципальный, а мы на службе.

Шестьдесят пять центов в день на брата. Такие деньги на дороге не валяются. Нет, сэр, не валяются! А если валяются, покажите мне, где, сэр?

— В полдень в конторе?

— Как обычно.

Удачи друг другу желать — только время зря тратить. Что может случиться в Элмер-Крик до полудня? Вот вечером, когда стемнеет — другое дело. Тут не зевай! Без смертоубийств, к счастью, обходимся. Четверка помощников шерифа бдит; пятый, Соммс, не в счет. Соммс третий год подряд сторожит тюрьму — ряд тесных камер в одном здании с конторой шерифа. Сторожит? Дрыхнет без задних ног, взгромоздив эти самые задние ноги на подоконник. Отдыхает после битв с зеленым змием.

Дрекстону он приходится дальним родичем, вот и не выгоняет.

Сэм уходит первым. Джош не двигается с места. Достает два «ремингтона» 44-го калибра. Курки — на предохранительный взвод. Открыть зарядные дверки. Прокрутить ладонью барабаны: один, другой. Прислушаться к масляным щелчкам. Не заедает, ход мягкий, звук правильный. Теперь можно и зарядить. Да, сэр! Оружие следует содержать в исправности и проверять каждое утро. Это нынче служба — не бей лежачего. А еще года три-четыре назад...

Что было, то воды Змеиной реки унесли. Сейчас Джошуа Редман — законопослушный гражданин; более того, представитель закона! И это нам нравится. Да, сэр! Очень нравится! Приличное жалование, крыша над головой, уважение.

Работенка непыльная.

В приоткрытую дверь врывается ветер. Швыряет в лицо пригоршню ржавчины — вездесущей осмакской^[2] пыли. Ну да, непыльная работенка! Джош отчаянно чихает. Прочихавшись, ухмыляется. Что сегодня способно испортить ему настроение?

Ничто!

Он протирает револьверы тряпкой. Физиономию — полотенцем. Любуется на свое отражение в мутной луже треснутого зеркала. Привычно вздрагивает: всякий раз мерещится, что трещина — шрам через все лицо, как от лихого сабельного удара.

Ритуал выполнен.

Вперед, служить и защищать!

Тахтон отлипает от окна, смеется. К чему Джош так и не привык, это к тахтоньему смеху. Всякий раз невпопад, будто джига на похоронах. Кудахчет курицей! Джош грозит тахтону кулаком, тот отмахивается. Ладно, мол, тебе. Не нравится, не буду смеяться.

Он всегда обещает. И всегда обманывает.